

**ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ**

**Archive Science, Source Studies, Document Science
and Archaeography Issues**

УДК 39.543(047)(091)

Л.В. Занданова, С.А. Карнович
г. Иркутск, Российская Федерация

**Материалы архивных фондов РГИА ДВ
о межведомственном взаимодействии
пограничных служб Российской империи
на востоке страны накануне
Первой мировой войны**

L.V. Zandanova, S.A. Karnovich
Irkutsk, Russian Federation

**Materials from the Archival Fonds of the Russian State
Historical Archive of the Far East (RGIA DV)
on Interdepartmental Interaction of the Border Services
of the Russian Empire in the East of the Country
on the Eve of World War I**

Аннотация

В статье исследуются проблемы межведомственного взаимодействия пограничников и таможенников накануне Первой мировой войны. Таможенники и пограничники находились в подчинении министра финансов, но непосредственно получали указания от различных товарищей министра. Таможенники находились в ведении директора Департамента таможенных сборов, а руководитель Отдельного корпуса пограничной стражи был одновременно одним из заместителей (товарищей) министра финансов. На Дальнем Востоке страны в 1913–1914 гг. функционировала сеть

таможенных застав и постов читинского и владивостокского таможенных участков. На владивостокском участке трудилось 255 таможенников, на читинском – 301. Значительная часть таможенных досмотрщиков имели казенных лошадей. Основная обязанность досмотрщиков заключалась в выездах попарно на границу и задержании людей, перемещавших контрабандные товары в приграничной зоне. Пограничники также располагали на государственной границе заставами, которые обеспечивались личным составом 3-го (три сотни) и 6-го Заамурских (одна сотня) пограничных полков. Каждый полк состоял из трех сотен, численность каждой сотни была доведена в 1913 г. до 140 пограничников при трех офицерах. Итого почти 600 пограничников и 556 досмотрщиков обеспечивали охрану границы от Читы до Владивостока, а это 2866 км вдоль границы России с Китаем. Основной задачей как для пограничников, так и для таможенников в 1913–1914 гг. декларировалась борьба с контрабандой. Недостаток численности пограничных служб на востоке Российской империи власти компенсировали тем, что была введена практика взаимодействия таможенных и пограничных постов, причем на досмотрщиков Департамента таможенных сборов возлагались обязанность охраны государственной границы, осуществление паспортно-визового контроля, а на пограничников – содействие в задержании контрабанды, создание в приграничной зоне агентурной сети по выявлению путей контрабанды и сообщению о результатах оперативной работы таможенникам.

Abstract

The article studies issues of interdepartmental interaction between border and customs services of the Russian Empire in the east of the country on the eve of World War I (1909–1917). Customs officers and frontier guards came under supervision of the same minister of finance, although worked under different deputy ministers. Customs officers were under the authority of the customs fees department director, the head of the Special Corps of Border Guards was also one of the deputies of the Minister of Finance. In 1913–1914 in the Far East there was a network of customs outposts and posts in the Chita and Vladivostok customs districts. The Vladivostok district numbered 255 customs officers, the Chita district numbered 301. A number of customs surveyors had state horses. The main job of the surveyors was to ride in twos to the border and detain those who smuggled goods in the frontier zone. Frontier guards relied on frontier posts staffed by the 3rd (3 *sotnias*) and the 6th Transamur (1 *sotnia*) border regiments. Each regiment consisted of three *sotnias*, in 1913 each *sotnia* numbered up to 140 frontier guards under three officers. Total of nearly 600 frontier guards and 556 surveyors provided protection of 2,866 km of the Russian border with China from Chita to Vladivostok. The professed main objec-

tive of the frontier guards and the customs officers in 1913–1914 was prevention of smuggling. The authorities compensated for insufficient personnel of border services in the east of the Russian Empire by promoting interaction of customs and boundary posts: surveyors of the department of customs fees were to guard the frontier and implement passport and visa control, while frontier guards were to assist in detention of smugglers and in creation of human intelligence network in the border zone, which was to identify smuggling routes and pass messages on the results of operational work to customs officers.

Ключевые слова

Архивные фонды РГИА ДВ, таможня, Министерство финансов России, таможенные учреждения, Дальний Восток, борьба с контрабандой, Владивосток, Чита.

Keywords

Archival fonds of the Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV), customs, Ministry of Finance of Russia, customs offices, Far East, fight against smuggling, Vladivostok, Chita.

Одним из перспективных научных направлений в истории отечественных специальных служб является изучение деятельности правоохранительных служб Российской империи по пресечению и предупреждению трансграничной преступности. В.В. Писаренко, С.А. Юхов, А.М. Плеханов, А.А. Малов, А.В. Вешняков и другие авторы осветили в своих исследованиях вопросы становления и основные направления деятельности силовых структур, их вклад в охрану дальневосточных рубежей. В частности, авторами изучен вопрос привлечения к охране границ забайкальского, амурского и уссурийского казачьих войск, пограничной стражи Министерства финансов России¹.

Однако тема межведомственного взаимодействия, в частности в вопросах борьбы с контрабандой, все еще ожидает своего исследователя. Так, не исследован вопрос о взаимодействии пограничников и таможенных служб Российской империи на Дальнем Востоке России накануне Первой мировой войны. Как представляется, материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток), должны помочь в изучении этого вопроса.

Отметим, что с 1909 по 1917 г. охрану дальневосточной границы Российской империи осуществляли две службы: государственную границу охраняли пограничники Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), таможенную границу – сотрудники владивостокского и читинского участков таможен. Таможенники и пограничники находились в подчинении одного министра – финансов, но структурно подчинялись различным товарищам министра. Таможенники находились в ведении директора Департамента таможенных сборов, а руководитель ОКПС был одним из заместителей (товарищей) министра финансов².

В связи с этим возникает вопрос: как на практике реализовывалось взаимодействие этих структурных подразделений Министерства финансов Российской империи? Они имели разные задачи – охрана таможенной или государственной границы, но сосуществовали в конкретной исторической обстановке и часто были вынуждены заниматься расследованием общих дел (контрабанды).

Материалы, хранящиеся в РГИА ДВ в фонде 410 (Управление Владивостокского таможенного инспектора, г. Владивосток), позволяют раскрыть практику взаимодействия. Так, Департамент таможенных сборов 12 января 1913 г. уведомил начальника Отдельного корпуса пограничной стражи генерала от инфантерии Н.А. Пыхачева о необходимости обсудить вопрос о перемещении пограничных и таможенных застав и постов в Приморской и Забайкальской областях³.

Согласно «Ведомости штатного состава досмотрщиков таможенных учреждений» на 1 марта 1913 г., во владивостокском таможенном участке действовало 10 застав, на которых работали 105 досмотрщиков, располагавших 54 казенными лошадьми.

По численному составу наиболее крупными таможенными учреждениями владивостокского таможенного участка на 1 марта 1913 г. были: Иманская, Полтавская, Посъетская, Хансийская и Хунчунская заставы. Все они, за исключением Посъетской, относились к заставам, охранявшим сухопутную русско-китайскую границу. Следовательно, мы можем предположить, что из Китая направлялся в Россию в начале 1913 г. основной поток контрабандного товара.

Кроме застав на Владивостокском таможенном участке располагалось 20 отдельных постов. Средняя численность поста составляла шесть человек, при них находилось четыре лошади. Наиболее крупными постами были Монгутайский, Никольск-Уссурийский, Павло-Федоровский и Славянский. Здесь численность досмотрщиков составляла три смены, то есть 8–9 человек. А эта численность поста была такой же, как и на некоторых заставах. На постах действовали 150 досмотрщиков и имелась 81 лошадь. Всего во Владивостокском таможенном участке числилось 255 сотрудников со 135 казенными лошадьми⁴.

Значительную роль играли посты, расположенные на морском побережье российского Дальнего Востока. Для охраны морской таможенной границы использовались в 1913 г. 35 досмотрщиков и один чиновник. Сахалинское угольное общество в 1913 и 1914 гг. перевозило таможенных досмотрщиков из Владивостока на таможенные морские посты (т.н. рыбалки) за вознаграждение в 3,5 тыс. руб. ежегодно⁵. Рыбалками назывались морские рыболовные участки, расположенные по Тихоокеанскому побережью края, сдаваемые в аренду на основании Конвенции, заключенной между Россией и Японией от 15 июля 1907 г.⁶

Стоимость аренды участка на три года составляла от 1330 руб. у японца Накаямо Тодзиро (участок «Русаковский») до 6700 руб. (участок «Камчатский») у русского подданного Альфреда Демби⁷. Как свидетельствует письмо Министерства финансов России от 22 апреля 1914 г. № 11782, начальник Владивостокского таможенного участка ранее сообщал в Петербург, что 35 человек могут охранять район от залива св. Ольги до залива Де-Кастри, где функционировало 32 рыбалки, поэтому в лимане Амура предлагалось установить особый штат досмотрщиков.

Из 32 рыбалок 10 числилось за русскими подданными, прочие – за японскими предпринимателями. Все рыбалки, арендованные как русскими, так и японцами, обслуживались японцами. Так, в 1913 г. для промысловых работ на русское побережье японские промысловики привезли 1433 работников-японцев. Кроме этих рабочих там было 12 русских икрянщиков, скупавших икру красных рыб, засаливаемую русским способом и отправляемую

во Владивосток. Пуд икры во Владивостоке стоил от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп. Всего икрянщиками за 1913 г. было заготовлено 1200 пудов икры⁸.

В 1914 г. начальник Владивостокского таможенного участка оставил на охране побережья Приморской области только 26 досмотрщиков, а остальных отправил в распоряжение Николаевской таможни для надзора за рыбалками, находящимися в лимане р. Амур⁹. С моря досмотрщиков Департамента таможенных сборов Министерства финансов России прикрывал специальный охранный крейсер «Лейтенант Давыдов», который также обеспечивал таможенный надзор за рыбалками и принадлежал Министерству финансов России¹⁰.

Зимой досмотрщики таможенного надзора несли службу, будучи прикомандированными к другим подведомственным учреждениям. Так, в 1913 г. 22 человека были командированы на рыбалки, а 13 сотрудников отправлены в распоряжение управляющего Хансийской таможенной заставы, на которого была возложена функция не только таможенной, но и пограничной охраны государственной границы¹¹.

Из 22 досмотрщиков, командированных на рыбалки, своевременно прибыли на места 18 человек, четыре досмотрщика опоздали, так как были высажены на соседних рыбалках, откуда уже с помощью японцев перебрались на свои участки. На рыбалках досмотрщиками обыскивались прибывавшие суда, изучался характер прибывшего в Россию морским путем груза. Сведения о грузе заносились в выдаваемые для досмотра шнуровые книги. Груз сличался с отметками в навигационных консульских свидетельствах.

Сотрудники следили, чтобы привезенный японцами груз был востребован только на рыбалках и не распространялся среди окрестного населения. Все досмотрщики были снабжены на три-четыре месяца продовольствием, кроме того, с целью проверок их периодически навещал крейсер «Олег». Досмотрщики возле Императорской гавани (недалеко от Владивостока) пополняли свои запасы в Восточном лесопромышленном обществе, прочие обходились в течение года провизией, взятой или привезенной из Владивостока. Приамурское управление государственных имуществ обеспечило досмотрщиков 8 стражниками. В случае

волнений среди японских рыбаков стражники должны были прибыть на место на крейсере «Олег» и применить силу¹².

На рыбалках часть досмотрщиков помещалась в деревянных бараках с железными переносными печками, часть – в шалашах из рогож, последние были построены на вновь открытых участках-рыбалках. Плохие условия быта приводили порой к печальным последствиям, так, на рыбалке № 416 досмотрщик Королев-Никифоров 24 мая 1914 г. заболел лихорадкой и был доставлен во Владивосток в тяжелом состоянии¹³.

Результат деятельности досмотрщиков был разнообразный. Так, инспектор Владивостокского таможенного участка 4 июня 1914 г. сообщал приставу 2-й полицейской части, что на основании ст. 1140, 1149, 1151 и 1152 «Устава таможенного» на арендатора рыболовного участка № 37 русского подданного Альфреда Георгиевича Демби был наложен штраф в 833 руб. 60 коп. за обнаружение на рыбалке ящика табака без навигационного свидетельства (контрабанда)¹⁴.

На рыбалке № 51 7 апреля 1914 г. была задержана досмотрщиком Гопановичем другая контрабанда – спирт, по оценке на сумму в 24 руб. 20 коп. За нее был внесен штраф в размере 1249 руб. 45 коп. На рыбалке № 36 при содействии полиции был задержан спирт, также водворенный без свидетельства. Кроме этого, на рыбалке № 37 был случай вооруженного сопротивления японских рыбаков досмотрщику Налетову при составлении им протокола о приобретении японцами шкур животных у орочен (местное население) в обмен на алкогольную продукцию – sake¹⁵.

Ведомость штатного состава досмотрщиков таможенных учреждений Читинского таможенного участка, составленная на 1 марта 1913 г., свидетельствует о том, что в это время в регионе выполняли функцию борьбы с контрабандой следующие подразделения таможни: Маньчжурская, на которой работали 42 досмотрщика, а в их распоряжении находилось восемь лошадей (из них на пограничном посту находилось постоянно восемь досмотрщиков, располагавших восемью казенными лошадьми); Сретенская таможня, имевшая в штатном составе 19 сотрудников; Кяхтинская – с 17 сотрудниками и двумя лошадьми. Итого в таможнях Читинского таможенного участка работало 78 досмотрщиков, которые располагали 10 лошадьми.

Подобно Владивостокскому таможенному участку, Читинский таможенный участок имел в своем составе отдельные заставы и посты. Посты и заставы Читинского таможенного участка (всего 32 учреждения) русско-китайской сухопутной границы имели двухсменный состав – в шесть досмотрщиков или трехсменный состав – в восемь досмотрщиков. На трехсменных постах две смены несли на лошадях разъездную службу, а одна смена в это время находилась на посту. Всего на заставах Читинского таможенного участка действовало 34 досмотрщика, имевших в своем распоряжении 26 лошадей. На постах работали 189 досмотрщиков, которые располагали 129 лошадьми. Всего на Читинском таможенном участке действовал 301 досмотрщик, в распоряжении которых было 165 лошадей¹⁶.

Читинский и Владивостокский таможенные участки в деле задержания контрабанды прикрывались офицерами и солдатами Пограничных Заамурских конных полков Отдельного корпуса Пограничной стражи. Так, 3-я сотня 3-го Пограничного Заамурского конного полка на 1 марта 1913 г. обеспечивала своими разъездами взаимодействие с шестью таможенными постами и заставами Владивостокского таможенного участка. Всего на 8 чиновников таможенной службы и 75 досмотрщиков приходилось около 100 пограничников. Если соотношение чиновников и досмотрщиков на таможенном участке составляло 1 к 10, то чинов таможни к пограничникам – практически 1 к 1.

Что касается взаимодействия пограничников и таможенников, то 2 марта 1913 г. во Владивостоке был подписан протокол № 1, где инспектор Приамурского таможенного управления, действительный статский советник Сергей Николаевич Латкин и командированный в комиссию начальником Заамурского округа командир 6-го Пограничного Заамурского конного полка полковник Колзаков решили для всестороннего выяснения дела собираться ежедневно и после детального ознакомления со всеми имеющимися данными, как в охране границы, так и в дислокации таможенных застав и постов, определиться с проектом перемещения таможенных постов и пограничных застав¹⁷.

На заседании 4 марта 1913 г. комиссия пришла к заключению, что командирование сотен пограничной стражи являлось необходимым, так как, во-первых, ввиду отмены 50-верстной беспощ-

линной полосы вдоль русско-китайской границы в 1913 г. предполагался всплеск контрабандных правонарушений по сухопутной границе и, во-вторых, была очевидной недостаточность охраны границы силами одного таможенного ведомства.

В связи с этим комиссия планировала перераспределить личный состав, чтобы добиться равномерности сил на границе. Вместе с тем комиссия признавала, что таможенных досмотрщиков и пограничной стражи недостаточно и возникает «недохват охраны большей части границы, в особенности у океана». Действительно, морское побережье Приморской области зачастую не охранялось, хотя власти и предполагали, что «с заселением прибрежной местности в ближайшем будущем явится необходимость ввести охрану границы по образцу существующей на западной границе России».

Что касалось ближайших задач на 1913–1914 гг., то командир Отдельного корпуса пограничной стражи (далее ОКПС) генерал от инфантерии Н.А. Пыхачев рекомендовал в связи с ликвидацией 100-верстной беспешинной зоны перенести таможенные и пограничные посты непосредственно к государственной границе, посты обустроить и создать опись потового имущества, состав командированных сотен пограничной стражи довести до 140 человек в каждой, привлечь пограничников к операциям по пресечению контрабандного промысла¹⁸.

На основании рекомендаций начальника ОКПС была составлена ведомость по постам и предполагаемым перемещениям их ближе к черте государственной границы от 5 марта 1913 г. Так, тремя сотнями 3-го Пограничного Заамурского полка предполагалось разместить посты пограничников в следующих пунктах:

Занадворовка. Располагались двенадцать пограничников и двенадцать лошадей. Пост Занадворовку предлагалось выдвинуть вверх по реке Амба ближе к границе приблизительно на 10 верст, недалеко от корейской деревни Амба. Помещение предлагалось взять у корейцев. Отмечалось, что оборудование поста обойдется казне приблизительно в 100 руб.

Овчинниково. Находились офицер, тринадцать рядовых пограничников при четырнадцати лошадях. Пост Овчинниково предлагалось передвинуть к карантину (2 версты от границы) и располо-

жить около пограничного столба. Помещение для нижних чинов, считали авторы проекта, найдется у новоселов (переселенцев по программе Столыпина), для офицера придется строить дом, что обойдется казне в сумму около 600 руб.

В местечке *Седими* предполагалось держать на посту двенадцать пограничников с двенадцатью лошадьми. Пост Седими необходимо было передвинуть ближе к черте границы, по грунтовой дороге к пограничному столбу. Так как помещений там для личного состава не было, предлагалось выстроить новые казармы приблизительной стоимостью 400 руб. На конюшню решено было потратить 200 руб., всего строительство в Седими должно было обойтись казне в 600 руб.¹⁹

В урочище *Славянка* несли службу ранее на посту один офицер, двенадцать пограничников, тринадцать лошадей. Авторы проекта предлагали сократить численность поста до десяти пограничников. Пост Славянка рекомендовалось перенести вверх по реке Адеми к пограничному столбу на грунтовую дорогу. Помещений там не было, поэтому постройка временной казармы обошлась бы казне приблизительно в 400 руб., конюшни – в 200 руб., всего – в 600 руб.

Пост *Адеми*, который ранее состоял из пятнадцати пограничников, предлагалось сократить до двенадцати. Территориально планировалось пост Адеми перенести в верховья реки Рязановки, ближе к границе, между 13-м и 14-м пограничными столбами. Так как помещений для солдат там не было, планировалось их построить, на что запрашивалось 600 руб.

Пост в урочище *Новокиевское* состоял из одного офицера, девяти рядовых пограничников, которые располагали десятью лошадьми. Этот пост предполагалось увеличить на офицера и десять пограничников, перенести его в деревню Сеgetуй на реке Тизинхо. Помещение там планировалось найти, а его дооборудование требовало всего 100 руб. расходов.

Пост *Янчихэ* из двенадцати пограничников признавалось необходимым оставить на прежнем месте.

Планировалось построить новый пост в поселке *Фатаиши*. Предполагалось, что в нем расположится восемь пограничников. Дооборудование уже построенных помещений требовало 100 руб. казенных расходов.

Пост в *Хунчуне (Сабенди)*, на котором находились тринадцать пограничников при тринадцати лошадях, предполагалось оставить, но сократить до двенадцати солдат.

Планировалось открыть новый пост у карантина на *Савеловской дороге*, который состоял бы из восьми пограничников. Так как помещений там не было, постройка временной казармы обошлась бы казне в 500 руб., конюшни – в 250 руб. Всего – 750 руб.

Пост *Заречье*, на котором раньше несли службу одиннадцать пограничников на лошадях, планировалось усилить на одного офицера, тринадцать пограничников при четырнадцати лошадях и перевести в деревню Паксекори. Дооборудование помещения для проживания там личного состава требовало 100 руб. казенных расходов. Ввиду необходимости перевода туда офицера из Славянки требовалось построить ему квартиру, что обошлось бы казне в 3 тыс. руб.

Пост *Красное село*, состоявший из одиннадцати пограничников, планировалось оставить без изменений²⁰.

Если анализировать представленную в документах «Ведомость постам, занятым 3 сотней 6 конного полка и предполагаемые перенесения их ближе к черте госграницы от 7 марта 1913 г.», российские власти планировали следующее:

Построить пост *Атамановский* у пограничного столба литеры Н. На строительство казармы для восьми пограничников и конюшни на восемь лошадей было запрошено 600 руб. (400 руб. – казарма и 200 – конюшня).

Пост *Духовский*, который состоял из двенадцати пограничников, рекомендовалось перенести к черте границы на реку Волюнку. Здесь на строительство казармы и конюшни также требовалось 600 руб.

Пост *Богуславка*, на котором находилось 17 пограничников, рекомендовалось перенести ближе к черте границы, между рекой Волюнкой и железной дорогой, западнее фанзы Грыюжая. Здесь пограничников должен был возглавлять офицер. На постройку казармы для нижних чинов запрашивалось 600 руб., конюшни – 300 руб., а офицерской квартиры – 800 руб. Итого требовалось на материальную часть поста Богуславка 1700 руб. казенных денег.

Пост в селе *Гродеково* ранее состоял из двух офицеров, 78 пограничников, его планировалось разбить на две части. В первой

части, в собственно Гродеково, предполагалось оставить одного офицера и сорок три пограничника. Во вторую часть – на пост *Сосновая падь*, где имелось помещение, планировалось перевести тридцать три пограничника.

Пост *Софье-Алексеевский* состоял ранее из восемнадцати пограничников, планировалось сократить их число до двенадцати человек и перевести ближе к черте границы на высоту № 339. На обустройство пограничников запрашивалось 1000 руб. (600 руб. на строительство казармы, 400 руб. – конюшни).

Планировалось открыть пост в деревне *Плотниково*. На обустройство шести пограничников с лошадьми требовалось 600 руб.

Пост *Полтавка*, ранее состоявший из офицера и двадцати рядовых пограничников, предлагалось оставить на прежнем месте и требовалось построить офицерскую квартиру, на что запрашивалось 3000 руб.

Пост *Ушагоу*, ранее состоявший из трех пограничников, намечалось расширить до девятнадцати бойцов. Постройка дополнительной казармы для них требовала 900 руб. казенных денег²¹.

Таким образом, сотня доводилась до планируемого нового штатного состава в 140 пограничников и трех офицеров, которые несли пограничную службу от Ушагоу до Атамановского.

На 8 марта 1913 г. было решено на побережье Амурского залива Приморской области открыть 14 новых пограничных пунктов. Планировалось добавить к штатной численности пограничной охраны на новых постах 117 пограничников с тремя офицерами, итого 120 военнослужащих. Они должны были образовать погранпосты по морскому побережью Приморья. Наибольшую группу пограничников было запланировано разместить в бухте Посьет.

Что касается постов в Забайкалье, то на 5 марта 1913 г. наблюдалась следующая картина.

Пост *Абагатуй* (30 верст от ст. Маньчжурия) располагал одним офицером и тридцатью пограничниками при наличии тридцать одной лошади. Этот пост упразднился, а пограничники распределялись на участке госграницы длиной в 700 км от станции Мациевской до поселка Усть-Иля. Пост *Шарасун*, на котором находились двадцать пять пограничников, был сохранен. Пост *Харанор* с семью пограничниками остался на прежнем

месте в том же составе. Пост *Борзя*, где находился штаб сотни, имел в своем составе офицера, сорок пограничников и сорок одну лошадь. Здесь изменений в штатном расписании не было. Пост *Старый Чиндант*, в 27 верстах от ст. Борзя, состоявший из офицера, тридцати пограничников, каждый из которых располагал казенной лошадей, был ликвидирован.

Пост *Арабулак*, в 57 верстах от станции Борзя, состоял из восьми пограничников и остался в том же составе. Кроме того, планировалось создать посты в поселке *Чиндант-Гродеково* и поселке *Кубулай* из одного офицера, тридцати пограничников в каждом²².

Подводя итог своей деятельности, комиссия принципиально выразила пожелание, чтобы для действенности охраны посты пограничной стражи были удалены от постов таможенных не далее чем на 10–15 верст (25–30 км). Кроме того, пограничникам рекомендовалось принять меры негласного надзора за границей путем создания в приграничной зоне тайной агентуры, в особенности на станции Маньчжурия, которая, по данным Департамента таможенных сборов, была главным складным пунктом контрабанды на русско-китайской границе. Пограничники должны были сообщать таможенникам о контрабандном промысле, и в целом обе структуры ориентировались в рассматриваемый период на решение одной главной задачи – пресечение контрабанды²³.

7 марта 1913 г. было решено разделить функцию охраны границы между пограничниками и чинами таможенного ведомства. Так, в частности, учитывая, что таможенное ведомство выставляет два поста: у *Турия Рога* шесть досмотрщиков и *Комиссаровского* пять досмотрщиков, пограничники решили сосредоточить свои усилия на посту *Ушагоу*, в 24 верстах (65 км) к югу от станции Полтавской по речке Ушагоу²⁴.

Комиссия выразила пожелание, чтобы в первую очередь были перенесены посты, занимаемые 3-й сотней 3-го конного полка, а перенесение постов 3-й сотни 6-го конного полка было сделано впоследствии по открытию кредита, ввиду того, что прежнее расположение этих постов, более всех остальных сотен, благоприятствовало охране государственной границы. Комиссия указала на то, что образовавшийся перерыв охраны границы на протяжении почти 60 верст между *Ушагоу*, охраняемой 3-й сотней 6-го полка, и постом *Занадворовка*, охраняемым 3-й сотней 3-го

полка, не имеет существенного значения, так как местность этого района прорезывается высокими с крутыми скатами сопками, трудно проходимыми даже для одиночного путника. Кроме того, эта местность не была заселена как со стороны России, так и со стороны Китая²⁵.

Таким образом, взаимодействие и взаимозаменяемость таможенной и пограничной служб стали особым явлением для деятельности пограничных структур России на Дальнем Востоке в 1913 г. 22 марта 1913 г. управляющему Славянским таможенным постом пришла телеграмма, в которой говорилось, что на него возлагаются «обязанности по охране границы в районе селений Заречье, Красное село, Янчихэ, Аддими, Седими и Занадворовка, а также и общее наблюдение по охране границы таможенными постами Славянским, Барабашским, Новокиевским и Хунчунской таможенной заставой»²⁶.

Понимая, что совмещение функций охраны таможенной и государственной границы требует усиления численного состава Славянского таможенного поста, управляющий Владивостокским таможенным участком направил сюда двух сотрудников из числа Посыетской заставы, одного из Новокиевского поста и двух из состава Хансийской таможенной заставы. Кроме того, на Славянский пост командировались восемь досмотрщиков из состава морского побережья, предназначенных для охраны рыбалок²⁷.

О том, что таможенные учреждения выполняли задачу охраны границы и осуществляли паспортный контроль, свидетельствует письмо Департамента таможенных сборов Министерства финансов России от 18 апреля 1913 г. на имя начальника Владивостокского таможенного участка, в котором говорилось, что в Петербурге неизвестное лицо получило заграничный паспорт за № 4740 на имя жителя Елизаветпольской губернии Мисака Хачатурова Захарянца и скрылось. Ввиду этого департамент предписывал таможене принять меры к задержанию представителя означенного паспорта и передать его в случае задержания затем местной полиции²⁸.

Хабаровская таможня 15 сентября 1912 г. уведомляла заставы и посты, что они проверяют не только грузы, но и легитимационные билеты на право перехода границы²⁹.

Всего, как свидетельствуют архивные дела РГИА ДВ, за период с 1913 по 1917 г. было 29 подобных распоряжений, накладывающих обязанности по охране государственной границы на досмотрщиков таможи. Особенно часто подобное замещение стало применяться в годы Первой мировой войны, когда многие пограничники отправились на фронт³⁰. В борьбе с контрабандой принимало участие несколько оперативных служб Министерства финансов России – таких как пограничная стража, таможенные учреждения. Таможенные посты сотрудничали с пограничными заставами, так как на досмотрщиков Департамента таможенных сборов возлагалась обязанность охраны границы, а на пограничников – содействие в задержании контрабанды.

Примечания

¹ Писаренко В.В. Особенности охраны границы Российской империи казачеством Забайкалья и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. // Пограничная политика: практика и особенности ее реализации в Дальневосточном регионе: Материалы второй региональной научно-практической конференции от 21 мая 1999 года. – Хабаровск, 1999. – С. 85–90. Pisarenko V.V. *Osobennosti ohrany granicy Rossijskoj imperii kazachestvom Zabajkal'ja i Dal'nego Vostoka vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Distinctive features of guarding borders of the Russian Empire by the Transbaikalian and the Far East Cossacks in the second half of 19th – early 20th century]. *Pogranichnaja politika: praktika: osobennosti ee realizacii v Dal'nevostochnom regione: Materialy vtoroj regionalnoj nauchno-prakticheskoj Konferencii ot 21 maja 1999 goda* [Border policies: practice and their implementation in the Far East region: Materials of the 2nd regional research to practice conference of May 21, 1999]. Khabarovsk, 1999, pp. 85–90; Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи России: крат. ист. очерк. – М.: Граница, 1993. – 282 с. Plehanov A.M. *Otdelnyj korpus pogranichnoy strazi: krat. ist. ocherk* [Special Corps of Border Guards of Russia: A brief historical sketch]. Moscow, Granica publ., 1993, 282 p.; Юхов С.А. Взаимодействие ведомств в защите государственной границы Российской империи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 22 с. Juhov S.A. *Vzaimodejstvie vedomstv v zashhite gosudarstvennoj granicy Rossijskoj imperii: Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [Department interactions in protection of the national frontier of the Russian Empire. Cand. hist. sci. diss. abtract]. Moscow, 2001, 22 p.; Малов А.А., Вишняков А.В. Пограничники в вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 57–70. Malov A.A., Vishnjakov A.V. *Pogranichniki v vooruzhennykh konfliktakh na Dal'nem Vostoke (konec XIX – nachalo XX v.)* [Frontier guards in armed conflicts in the

Far East at the turn of 19th and 20th centuries]. *Rossija i ATR* [Russia and the ATR], 2006, no. 4, pp. 57–70.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 393. Оп. 1. Д. 4. Л. 11. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Dal'nego Vostoka* [Russian State Historical Archive of the Far East] (RGIA DV), fond 393, series 1, file 4, p. 11.

³ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 9. Л. 11. Ibid., fond 410, series 2, file 9, p. 11.

⁴ Там же. Л. 54. Ibid., p. 54.

⁵ Там же. Д. 127. Л. 28. Ibid., file 127, p. 28.

⁶ Там же. Л. 26. Ibid., p. 26.

⁷ Там же. Л. 101. Ibid., p. 101.

⁸ Там же. Л. 22. Ibid., p. 22.

⁹ Там же. Л. 116. Ibid., p. 116.

¹⁰ Там же. Л. 118. Ibid., p. 118.

¹¹ Там же. Л. 141. Ibid., p. 141.

¹² Там же. Л. 499. Ibid., p. 499.

¹³ Там же. Л. 499. Ibid., p. 499.

¹⁴ Там же. Л. 4–8. Ibid., p. 4–8.

¹⁵ Там же. Л. 500. Ibid., p. 500.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 55. Ibid., file 9, p. 55.

¹⁷ Там же. Л. 57. Ibid., p. 57.

¹⁸ Там же. Л. 58. Ibid., p. 58.

¹⁹ Там же. Л. 60. Ibid., p. 60.

²⁰ Там же. Л. 61. Ibid., p. 61.

²¹ Там же. Л. 68. Ibid., p. 68.

²² Там же. Л. 64. Ibid., p. 64.

²³ Там же. Л. 65. Ibid., p. 65.

²⁴ Там же. Л. 67. Ibid., p. 67.

²⁵ Там же. Ibid.

²⁶ Там же. Л. 87. Ibid., p. 87.

²⁷ Там же. Л. 91. Ibid., p. 91.

²⁸ Там же. Л. 149. Ibid., p. 149.

²⁹ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 6а. Л. 130. Ibid., fond 66, series 1, file 6a, p. 130.

³⁰ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 9. Л. 90. Ibid., fond 410, series 2, file 9, p. 90.

Список литературы

1. Малов А.А., Вишняков А.В. Пограничники в вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 57–70.

2. Писаренко В.В. Особенности охраны границы Российской империи казачеством Забайкалья и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. // Пограничная политика: практика и особенности ее реализации в Дальневосточном регионе: Материалы второй региональной научно-практической конференции от 21 мая 1999 года. – Хабаровск, 1999. – С. 85–90.

3. Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи России: крат. ист. очерк. – М.: Граница, 1993. – 282 с.

4. Юхов С.А. Взаимодействие ведомств в защите государственной границы Российской империи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 22 с.

References

1. Malov A.A., Vishnjakov A.V. *Pogranichniki v voooruzhennykh konfliktakh na Dal'nem Vostoke (konec XIX – nachalo XX v.)* [Frontier guards in armed conflicts in the Far East at the turn of 19th and 20th centuries]. *Rossija i ATR* [Russia and the ATR], 2006, no. 4, pp. 57–70.

2. Pisarenko V.V. *Osobennosti ohrany granicy Rossijskoj imperii kazachestvom Zabajkal'ja i Dal'nego Vostoka vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Distinctive features of guarding borders of the Russian Empire by the Transbaikalian and the Far East Cossacks in the second half of 19th – early 20th century]. *Pogranichnaja politika: praktika: osobennosti ee realizacii v Dal'nevostochnom regione: Materialy vtoroj regionalnoj nauchno-prakticheskoj Konferencii ot 21 maja 1999 goda* [Border policies: practice and their implementation in the Far East region: Material of the 2nd regional research to practice conference of May 21, 1999]. Khabarovsk, 1999, pp. 85–90.

3. Plehanov A.M. *Otdelni korpus pogranichnoy strazi: krat. ist. ocherk* [Special Corps of Border Guards of Russia: A brief historical sketch]. Moscow, Granica publ., 1993, 282 p.

4. Juhov S.A. *Vzaimodejstvie vedomstv v zashhite gosudarstvennoj granicy Rossijskoj imperii Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk.* [Department interactions in protection of the national frontier of the Russian Empire. Cand. hist. sci. diss. abstract]. Moscow, 2001, 22 p.

Сведения об авторах

Занданова Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация, 8-902-566-83-79, 8-395-224-07-00, zandanova@mail.ru

Карнович Сергей Анатольевич, аспирант кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация, 8-914-927-21-12, karnovich07@mail.ru

About authors

Zandanova Larisa Viktorovna, PhD in History, professor, head of the department of history and methodology of teaching of the Educational Institute of the Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk, +7-950-668-379, +7-395-224-07-00 zandanova@mail.ru

Karnovich Sergey Anatolyevich, graduate student of the department of history and methodology of teaching of the Educational Institute of the Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk, +7-914-927-21-12, karnovich07@mail.ru

УДК 94(47).093.2

Д.В. Куба

г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация

Материалы Архива внешней политики Российской Федерации о вкладе общественных организаций СССР и Японии в нормализацию отношений между странами в 1920–1930-е гг.

D.V. Kiba

Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation

Materials from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation on Contribution of Public Organizations of the USSR and Japan to Normalization of Relations between the Countries in 1920–1930s

Аннотация

В статье на основе материалов Архива внешней политики Российской Федерации рассматривается вклад общественных организаций СССР и Японии в нормализацию отношений между странами в 1920–1930-е гг. Изучение движения общественной дипломатии позволяет выявить движущие силы, способствующие сохранению стабильности в Азиатском регионе, познанию культуры «чужой» нации. Изучение движения дружбы в 1920–1930-е гг. с привлечением новых исторических источников Архива внешней политики Российской Федерации позволяет значительно расширить и дополнить картину динамики взаимоотношений СССР и Японии в предвоенный период, раскрыть на основе архивных материалов вклад общественных организаций СССР и Японии в процесс нормализации отношений двух стран в 1920–1930-е гг. В исследовании сформулированы задачи: рассмотреть процесс создания, деятельность, специфику статуса, численного состава японских общественных организаций в 1920–1930-е гг., выявить основные направления работы советской организации – Всероссийского общества по развитию культурных связей между странами – в процессе налаживания диалога СССР и Японии в предвоенный период. Хронологические рамки исследования охватывают период 1920–1930-х гг., что позволило выявить формы работы